

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Не знаю как у других, но у меня есть привычка, приступая к чтению любой книги, биографии или мемуаров, прежде всего просматривать "картинки" — портреты людей, о которых в книге идет речь, фотографии, связанные с событиями из их жизни, и другие иллюстративные материалы.

Не явилась исключением и книга Н.В. Лукьяновой "Дмитрий Дмитриевич Шостакович" ("Музыка", М., 1980), в которой помещено около 200 фотографий, рисунков, автографов, хранящихся как в государственных архивах и музеях, так и в частных коллекциях. Здесь есть фотографии Шостаковича времен его детства, юности и зрелости, фотоportреты его родных, близких и коллег, групповые фотоснимки, репродукции эскизов декораций и костюмов к театральным постановкам, фотографии дирижеров, режиссеров и исполнителей сочинений Дмитрия Дмитриевича.

К сожалению, не все фотографии снабжены исчерпывающими и достоверными комментариями.

Например, фотография "Д. Шостакович и Л. Оборин с друзьями. 1920-е гг.". Видимо, она была сделана по возвращении их из Варшавы, где они участвовали в конкурсе, устроенном в связи с открытием там в конце января 1927 года памятника Шопену. Тогда первую премию получил Оборин, а Шостакович — почетный диплом. Но на этой фотографии справа есть еще И.И. Соллертинский.

Приведена фотография под названием "В Ивановском лесу. 1943 г.", на которой изображен Шостакович и рядом с ним два дерева. Однако те, кто бывал в Доме творчества композиторов "Иваново", знают, что там никакого леса нет, вокруг раскинулись зеленые луга с отдельными деревьями, что и отражено на снимке.

Теперь о фотографии, из-за которой и написаны эти строки. Она названа: "Шостакович с группой московских и ленинградских композиторов". Когда и где эта группа образовалась и каков ее состав, в книге не указано. Конечно, музыканты и любители музыки без труда узнают здесь Шостаковича. Но на снимке десять человек. Кто же остальные?

Выяснить это мне помогло знакомство с Татьяной Владимировной Римской-Корсаковой. По образованию архитектор, она долгие годы занималась научной деятельностью в области градостроительства на Крайнем Севере. Что не помешало ей с 1944 года отдавать много своих знаний и сил участию в создании музеев ее великого деда — Николая Андреевича Римского-Корсакова.

Татьяна Владимировна пояснила:

"Таких музеев три: первый из них — в Тихвине, в доме, где Николай Андреевич родился и провел свое детство, был открыт согласно правительственному указу о мероприятиях, посвященных 100-летию со дня рождения Римского-Корсакова, широко отмечавшегося в марте 1944 года, несмотря на еще незаконченную тогда войну".

Тогда же появился желтый лист газеты "Правда" 60-летней давности с упомянутым указом. Следует также сказать, что все пункты этого указа постепенно были выполнены, в том числе выпущено полное собрание сочинений Николая Андреевича (полное — по тем временам, по нынешним — далеко не полное), рядом со зданием Петербургской консерватории установлен памятник.

"Затем, — продолжала Татьяна Владимировна, — с конца 1971 года, стал принимать посетителей музей в петербургской квартире, прослужившей Николаю Андре-

тектурно-ландшафтный комплекс посвящен последним годам жизни и кончине великого композитора в усадьбе Любенск, а также теме "Образы природы в музыке Н.А. Римского-Корсакова" (экспозиция в Вечаше).

Полностью не сформированный и широкой публике еще мало известный, музей Любенск-Вечаша все же привлекает внимание посетителей живописностью расположения, усадебными парками и воссозданными мемориальными интерьерами дома в Любенске. В вечашском доме, где Римский-Корсаков жил и сочинил много музыки, устроен концертный зал.

В этом музее ежегодно отмечается день памяти Николая Андреевича — 21 июня — концертом, в котором принимают участие музыканты из Петербурга, Пскова, Луги, педагоги и учащиеся музыкальных школ. Несколько раз и я был среди приглашенных на эти музыкальные собрания, встречался там с Татьяной Владимировной.

Но вернемся к фотографии под названием "С группой московских и ленинградских композиторов". Конечно, музыканты и любители музыки узнают в этой группе рядом с Шостаковичем (крайний справа), композиторов Дмитрия Кабалевского (за Шостаковичем, видна лишь часть его лица), Арама Хачатуряна (4-й справа), Сергея Васильенко (5-й справа), за ним Сергей Прокофьев (слева во втором ряду), Максимилиан Штейнберг (4-й слева) и за ним Юрий Шапорин (слева) и крайний слева — Александр Гольденвейзер. А кто же остальные?

Татьяна Владимировна рассказала:

"В марте 1944 года мне удалось выехать с малолетней дочерью из Ленинграда, где мы с ней провели все военные годы, в Мос-

кву на празднование 100-летия со дня рождения моего деда. Блокада Ленинграда была уже снята, но магистральный железнодорожный путь на Москву еще не был полностью восстановлен, и мы ехали по окружной дороге.

Главное событие празднования состоялось точно в день рождения Николая Андреевича, 18 марта, в Большом театре. Вначале была торжественная часть с несколькими выступлениями. Членам семьи Римских-Корсаковых была предоставлена центральная (бывшая свитская) ложа в бельэтаже. Публика обращала внимание на сидевших в ней в первом ряду двух детей. Это были правнучки Николая Андреевича — моя 4-летняя дочь Вероника и 8-летний сын моего брата Александр.

В состав президиума вошли и двое сыновей Николая Андреевича — старший, Михаил Николаевич, и младший (мой отец), Владимир Николаевич. Оба они приехали в Москву из мест своей эвакуации. Я тоже была приглашена в число членов президиума и во время торжественного заседания сидела на сцене театра уже с медалью "За оборону Ленинграда" на груди.

Музыкальная программа этого вечера была составлена из произведений Николая Андреевича, в том числе включала последней акт его "Снегурочки" в прекрасных старых декорациях, не так как теперь начали ставить классические оперы — в костюмах и декорациях, не имеющих никакого отношения к содержанию музыкального и сюжетного подлинников.

После торжественной части, в антракте перед музыкой, члены президиума были приглашены в одну из комнат недалеко от сцены, к сервированному столу с угощениями, и там была даже черная икра!

В этой комнате нас сфотографировали, и именно этот снимок помещен в книге Лукьяновой о Шостаковиче. Такая фотография имеется и у меня, и на ее обороте рукой моего отца обозначено, кто составляет эту группу из десяти человек, в которой на самом деле не только композиторы.

Единственная здесь женщина, это — я.

В центре — Михаил Николаевич Римский-Корсаков. Он унаследовал от отца музыкальную одаренность и уже в раннем детстве сочинил небольшую мелодию, которую Николай Андреевич использовал для фортепианных "Вариаций на Мишину тему". Композитором Михаил Николаевич все же не стал, хотя часто садился за рояль и свободно импровизировал. Он избрал своей специальностью энтомологию и в этой области приобрел известность во всем мире, бывал участником международных конгрессов. Еще в дореволюционные го-

ды Михаил Николаевич вошел в число авторов статей для энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона по разделу зоологии. Но и в музыке он был большим эрудитом и не раз выступал с докладами о творчестве своего отца и других композиторов.

Слева от него, во втором ряду — Владимир Николаевич, мой отец. Он имел юридическое образование, но при советском режиме остался в этой области не у дел. Так как параллельно он прошел курс Петербургской консерватории по классу скрипки, Владимир Николаевич стал с 1919 года работать оркестрантом. Он играл в оркестрах Мариинского театра, Филармонии, Радиокомитета, а в послевоенные годы работал над архивом отца и занимался публицистической деятельностью — писал статьи о Николае Андреевиче и о его современниках, состоял членом редакционной коллегии по изданию полного собрания сочинений отца.

После комментариев Татьяны Владимировны осталась, однако, не выясненной личность человека, изображенного на фотографии вторым слева.

Для ответа на этот вопрос я обратился к музыковедческой литературе. Под "подозрением" попали композиторы М. Чулаки и А. Эшпай, балетмейстер Ю. Григорович — те, кто в те давние годы имел отношение к Большому театру и к Московской организации Союза композиторов СССР. Но в 1944 году Эшпай был в действующей армии, Чулаки еще не стал директором Большого театра, а Григорович, по молодости лет, к изображенному на фотографии примерно 40-летнему мужчине не подходил.

Припомнилось, что в середине 1940-х годов Большой театр приступил к работе над оперой в те годы молодого композитора В. Мурадели "Великая дружба". И вот, в книге "Вано Мурадели. Воспоминания и статьи" (М., 1983), нашелся его фотоportрет тех лет. По несомненному сходству этого портрета с изображением на заинтересовавшей меня фотографии стало ясно, что это — Вано Ильич Мурадели, автор двух опер, двух симфоний, нескольких оперетт, около двух сотен песен.

Так удалось выяснить историю фотографии, определить состав группы людей, оказавшихся на юбилейном вечере 18 марта 1944 года в Большом театре.

Владислав Соловьев
(Санкт-Петербург)

Шостакович Д.Д.

14-12-2025
1944-1945

Рос. муз. газета - 2005 - 11-2 (948-949) - 5005

67